

К истории социальной типизации женщин. «Дочь бедных, но благородных родителей»: литературная формула и социальный тип

Найденная И.И. Панаевым в первой половине XIX в. формула «дочь бедных, но благородных родителей», становится поводом для анализа гендерных представлений в дореволюционной России. Первоначальный иронический смысл быстро утратился, а заложенное в формуле противопоставление оказалось очень плодотворным. «Благородство» стало восприниматься не столько как дворянское происхождение, сколько как образованность, умение себя вести и т.п., то есть как культурный капитал. Появление во второй половине XIX в. «новых женщин», «смелых девушек», как правило, стремящихся покинуть привычное социальное окружение, стало характерной приметой времени. Другая сторона этого процесса — рост чис-

ла девушек «из простых», пытавшихся подражать представительницам образованного сословия.

В советское время формула обрела новый смысл в связи с появлением в стране значительного числа «бедных, но благородных» людей, т.е. «бывших», «лишенцев», лишенных прав и состояния, но обладавших, однако, «культурным капиталом».

Ключевые слова: гендерные представления; «дочь бедных, но благородных родителей»; «подвальные барышни»; И.И. Панаев; В.Г. Авсеев; А.В. Амфитеатров; А.П. Каменский.

Дмитрий Равинский

кандидат педагогических наук, ст. научный сотрудник
Российской национальной библиотеки

Выражение «дочь бедных, но благородных родителей» часто встречается в произведениях начала 19 века. Ее буквальное значение — дочь бедных дворян, а подразумеваемый смысл — «скромное достоинство», «сокрытая добродетель». Нередко «дочь бедных, но благородных родителей» оказывалась особой высокого происхождения, в силу житейских обстоятельств вынужденной покинуть отчий дом.

Можно точно установить время, когда эта формула получила свое новое значение. В 1841 г. И.И. Панаев написал повесть «Актеон» [1], где фигурирует женский персонаж, обозначенный как «дочь бедных, но благородных родителей» (курсив Панаева). Так этот персонаж обозначен при первом появлении и в дальнейшем всегда именно так именуется, хотя называется и имя — Аннеточка. Дочь бедных, но благородных родителей — персонаж жалкий. Состоящая при богатой барыне, она всегда готова на мелкие услуги, старается подольститься к окружающим. Но никого она не интересует, а природная неловкость обрекает ее на постоянное замешательство.

Придуманная Панаевым формула вошла в речевой обиход петербургских литераторов. О ее популярности говорит тот факт, что спустя три десятилетия она была использована В.О.Михневичем для названия одной из его «картинок петербургской жизни» [2], хотя и совсем в другом смысле, нежели в повести Панаева.

Представляется, что мы имеем дело как раз с таким случаем, когда выразительная формула начинает жить своей собственной жизнью, оторвавшись от первоначального контекста. Более того, решимся утверждать, что подобное расширенное толкование было заложено в панаевской формуле изначально. Скрытая энергетика этой формулы определяется заложенным в ней двойным отрицанием. Во-первых, человек характеризуется не сам по себе, а как потомок своих родителей. Это вполне традиционно для патриархальных, сословных обществ, но к середине 19 столетия российское общество все больше теряло сословные черты. В полном соответствии с канонами советского литературоведения приходится признать, что капитал становился все более важным фактором. Именно поэтому горькой иронией насыщалось второе отрицание, заложенное в формуле: «бедных, но благородных». Дочь — это наследница своих родителей, но если наследство ничтожно в своем материальном воплощении, то в чем же оно состоит? Очевидно — в благородстве. Но что же это такое? Если в 18 и первой половине 19 столетия благородство, имело вполне определенное — и самодостаточное — значение: принадлежность к дворянскому сословию, то с течением времени это достоинство теряло

свою абсолютность. Мало было просто быть дворянкой, благородство должно было означать еще что — то: тонкость чувств, способность воспринимать изящество искусства и быта, умение поддержать светскую беседу и т.д. Иными словами, благородство должно было означать то, что П. Бурдые позднее назвал культурным капиталом.

Однако в середине и второй половине 19 в. понятие благородства приобрело ряд специфических значений, причем во многом это приобретало характерно петербургские черты. Отсюда и наш интерес к теме «дочери бедных, но благородных родителей». Теме, которая с завидным постоянством возникала в творчестве писателей «петербургской школы». На страницах их произведений нередко появляются героини, которых вполне можно назвать «дочерьми бедных, но благородных родителей», хотя сама эта формула не употребляется.

Панаев, со своей социологической зоркостью, одним из первых обратил на это внимание, написав почти одновременно с «Актеоном» другую повесть, назвав ее «**Дочь чиновного человека**».

Рассказ о жизни героини, достойной «наблюдения неповерхностного», Панаев вполне закономерно начинает с рассказа о ее матери.

Это была, изволите видеть, женщина не совсем глупая и не совсем умная, а так, что — то среднее между тем и другим, сорокапятилетняя кокетка, навлинившаяся тем, что ее муж был важный чиновник; неловкая и странная, как цифра, сделанная из нуля; смешная чиновница перед какой — нибудь княгиней, и карикатурная княгиня перед чиновницей, — полуобразованная и потому без всякого снисхождения... Образчики таких женщин вы верно встречали в среднем петербургском обществе [3].

Итак, перед нами маргинальный социальный тип, «ни пава ни ворона», «от своих отошедшая и к чужим не приставшая». Такие типы характерны для петербургского общества с его двойной градацией: одна — служебная, результат чиновничьей карьеры, достигнутой прилежанием; другая — светская, получаемая по происхождению или же достигаемая терпеливым использованием навыков светского поведения (умением понравиться, вести беседу и др.). «Чиновница», достигшая определенного положения, однако находящаяся на очень низкой ступени светского общества — тип, для Петербурга очень показательный. В данном случае, однако, акцент делается не на самой чиновнице, а на ее дочери: неудовлетворенные амбиции передаются следующему поколению, окрашивая всю жизнь молодой девушки.

Неловкое унижение матери Софьи перед княгинями и графинями, грациозная недоступность, очаровательная важность этих госпож показали ей неизмеримое расстояние между ними и ею. Она с негодованием видела, как среднее сословие карикатурно вытягивается до подмошток, на которых величается аристократия, и с какою милою и снисходительною насмешкою эта аристократия смотрит на жалкие усилия легонького дворянства. Все это сделало на нее сильное впечатление и отдалило ее от общества, в котором она, по собственному признанию, не могла играть никакой роли.

(Панаев 1912:1, 229).

При этом, однако, нереализованные амбиции порождают внутреннюю силу.

Это ничтожество в обществе нисколько не оскорбляло ее самолюбия: она знала, что наделена всеми средствами, которые должны были вывести ее на авансцену, но что только собственная воля заставляет ее не употреблять ни одно из этих средств и постоянно оставаться в глубине сцены... [4]

Литературный тип, замеченный Панаевым, получил дальнейшее развитие в творчестве другого писателя, сделавшего своей специальностью анализ социальных типов Петербурга. Я имею в виду В.Г. Авсеенко, чья повесть «Зимняя ночь. Петербургская сказка» во многом перекликается с повестью Панаева. Героиня носит имя Мери, что, конечно же, требует комментария:

Мери! Откуда такое нерусское имя, отзывающееся претензиями аристократического салона и модного воспитания? Оно как — то странно звучит в этой опрятно — убогой комнате, оно не идет и к этой прелестной, но растрепанной головке, и к этой старенькой блузе. А дело очень просто. Марья Петровна Шелехова, двадцать лет назад, когда у нее родилась дочка, была очень тонная дама. Тонность ее оправдывалась, впрочем, только собственным ее желанием. По происхождению и общественному положению она принадлежала к мелкому чиновничеству. Но она недурно говорила по — французски, и в девушках за нею ухаживали военные. Ей случалось бывать у полковых дам, где чай подавали денщики в белых перчатках и где говорили об опере, о Михайловском театре <...> и о лицах самого высокого положения.

Выйдя за маленького чиновника, Марья Петровна решила, что она все — таки будет принимать у себя вечером во фраках и с эполетами. В Петербурге мещанский аристократизм — одно из самых доступных развлечений. Марья Петровна приняла вид дамы, сохранившей в своем неудачном браке привычки хорошего общества. У нее появились очень приличные поклонники, и она сочла самым хорошим тоном назвать свою маленькую Машу — Мери. [5]

Однако жизнь брала свое:

За двадцать лет Шелеховы постарели, а продолжительная борьба с дороговизною, с безденежьем, с затруднениями и щелчками всякого рода утомила даже Марью Петровну. <...> Марья Петровна опустила, раскисла и приобрела брюзжащую хроническую раздражительность. Она убедилась, что жизнь ее испорчена, что муж загубил ее и точно так же загубит и дочь <...> Красивая, изящная, но не выданная замуж, плохо одетая и скучающая Мери представлялась ей как бы живою укоризною их бедности, и она готова была одинаково злобствовать и на нее и на мужа, смотря по тому, кто подвергивался на очередь. [6]

Таким образом, Мери оказывается «дочерью бедных, но благородных родителей», при этом «благородство» трактуется как «привычки хорошего общества, сохраненные в неудачном браке». Каким же образом, эта ситуация повлияла на героиню? Примерно так же, как и на героиню панаевской повести.

Мери никогда не ротала. Она иронизировала. Ей слов-

но смешно было, что вот она сидит в этой скучной комнате, в старенькой блузе и в туфлях с кривыми каблукками, — она, такая хорошенькая и рожденная совсем для другой обстановки. Убеждение, что судьба предназначила ее для чего-то иного, выросло вместе с Мери; это было даже не убеждение, а какое — то почти физическое чувство, разлитое в ее красоте, в крови, в нервах. И потому бедность и скука забавляли ее, как нелепость, которая не может же вечно продолжаться!. [7]

Повесть Авсеенко — своего рода программное произведение для характеристики интересующего нас типа. Пожалуй, нигде этот тип не обрисован с такой четкостью. Разумеется, это не случайно. Авсеенко в данном случае выступил как писатель концептуальный, анализ конкретного женского типа связан у него с общей концепцией эволюции гендерной проблематики в России тех лет (хотя такой терминологии он, конечно же, не использовал).

Вообще показательно, что те писатели, которые специально занимались изучением жизни больших городов — а в особенности жизни Петербурга — во второй половине 19 столетия дружно обратились к гендерной проблематике. В.О. Михневич выпустил сборник «Барышни и барыни»; В. Г. Авсеенко два тома своего собрания сочинений посвятил «Мыслям о женщинах», А.В. Амфитеатов издал сборники «Женское нестроение», «Бабы и дамы» и другие. [8]

В 1870 — е — 1890 — е годы в России произошла своего рода «культурная революция», ломка традиционно сложившихся гендерных отношений. Именно в больших городах эти перемены происходили особенно заметно и особенно болезненно. Обратив внимание на рост числа разводов, Авсеенко выстраивает в качестве объяснения целую теорию.

Самый ход нашей общественной жизни, без сомнения, должен был много способствовать неустойчивости брачных отношений. Брак требует оседлости, размеренного движения в установленной колее. В прежние времена молодой человек, отслужив свой корнетский срок в уланском или гусарском полку, выходил в отставку, селился в усадьбе, и его семейное гнездо устраивалось там на вечные времена. Чиновник, достигнув «ответственного» места столоначальника, считал, что пришло время «обзавестись домком», хорошо зная, что его жизненный путь, как и бюджет, установлен нормальным образом, с законными, регулярно чередующимися переменами. Все жили в предусмотренном порядке, столь важном для мещанского благополучия и устойчивости брачных основ.

Но в последние тридцать лет жизнь в России сильно изменилась; явились совсем новые условия «борьбы за существование», новые карьеры, новые профессии. Помещик и столоначальник куда то спрятались; выдвинулись другие люди, совершающие карьеру какими — то неопределенными способами, живущие нервно, скоро, то прогорая, то снова оперяясь, меняя и род, и место деятельности, внося с собою в общественный поток какую — то новую шипучую струю, элемент какого — то полу — артистического, полу — спекуляционного бродяжничества. [9]

Этот звучащий очень современно социологический экскурс понадобился Авсеенко для того, чтобы объяснить перемены, произошедшие в общественной психологии.

В этих изменившихся условиях жизни, на закуске брожения, воспитались нервные, капризные темпераменты, совершенно негодные для однообразного постоянства брачных и семейных устоев, но не настолько осторожные, чтобы избежать брака. Они-то и образовали тот главный водоворот, в котором трещат и разбиваются супружеские лодки, и откуда проникает во все наслоения общественной жизни элемент брожения, риска и раздражающей жажды впечатлений. [9].

Сказанное, по мнению, Авсеенко, непосредственно повлияло на психологию и поведение женщин, в первую очередь — «барышень».

Рядом все та же новая жизнь значительно расшатала устой прежнего женского воспитания и режима. Строгие светские обычаи потеряли свой авторитет; так сказать, неприкосновенность девушки была разрушена. Ее стали вывозить в клубы, на публичные балы, пускать одну на курсы, в консерваторию. Представление о так называемом обществе чрезвычайно раздвинулось, и к прежнему ограниченному и строгому «свету» примкнул огромный круг, усвоивший сравнительно свободные взгляды на роль и воспитание женщины. Маменьки, успевшие отхлебнуть «новых веяний» и более или менее опалиться на огоньке свободных взглядов, повели дочек совсем не так, как учили их собственные воспоминания. [9]

Все это было частью общего процесса, который Авсеенко обозначил как «лихорадку жизни». В духе традиционного «мужского дискурса» он видит перемены в поведении женщин как реакцию на изменения в поведении мужчин.

Надо было искать женихов среди нового бродячего элемента, приспособляясь к его требованиям и взглядам. Мужчины твердили о стеснительности светских условий и о предрассудочности старого женского воспитания; женщины поспешили удовлетворить историческому запросу [9].

Появились новые типы женщин, так называемые «смелые» девушки, эксцентрические характеры. Самое главное, изменился сам ход биографии россиян. Брак перестал быть рутинным этапом жизненного пути, когда он заключался просто потому, что «время пришло».

«Браки сделались сплошь и рядом результатом случайного впечатления, случайной встречи, завязавшегося жаркого разговора, легкомысленного плана, возникшего на перепутье, под влиянием радостного азарта, овладевающего человеком, которому вдруг повезло». [10]

В этой новой ситуации не только приданое, не только социальное положение, не только красота, но и трудноопределимое качество, выражаемое словами «бедная, но благородная», могли повлиять на судьбу женщины.

Была и другая сторона этого процесса размывания традиционных женских статусов. На рубеже веков ее заметил такой чуткий наблюдатель петербургской жизни как А.В. Амфитеатров. Подробно описавший женский тип, специфический для Петербурга. Этот тип Амфитеатров назвал «подвальной барышней», хотя, по — видимому, название это им не изобретено, а имело хождение в петербургском обществе. Подвальные барышни — дочери служителей (сегодня бы мы сказали — вспомогательного персонала) многочисленных петербургских учреждений, получавших вместе со службой и квартиру — в подвалах этих учреждений. Амфитеатров выразительно обрисовывает особый социокультурный статус этой группы.

Служба мужчин, ютящихся, подобно знамам, в подземных подвалах, — хорошая, довольно легкая и обязательно чистая. Она спокойно протекает в холодных, просторных, светлых залах министерств, в сероголубых департаментских коридорах, величественных парадных лестницах и подъездах. От людей, к ней допущенных, требуется, прежде всего, некоторая декоративность: внушительная, бравая наружность, опрятность, щеголеватость, — дабы человек видом своим начальство от себя не отвращал, а на публику не наводил уныния. [11]

Как следствие «население подземного Петербурга, по крайней мере, мужское, — из красивейших физически во всей столице и, конечно, производит такую же породу — потомство: не даром же, в самом деле, подвалы поставляют веселящемуся городу столько жриц демимонда и красивых балетных фей» [11] Но не это главное. Сама психология «подвальных служите-

лей» — особая. Это психология людей оторвавшихся от прежней «ровни» и мечтающих приблизиться к другим общественным слоям.

Недавний мужик или отставной солдат, подвальный обитатель перестает быть мужиком или отставным солдатом, как скоро удостоился швейцарской ливреи или курьерского мундира с галуном ведомства. Он уже, так сказать, избранный и превозвышенный из всех мужиков и отставных солдат; сам себя в таком великолепии видит и мыслит, сам о себе так понимает. [11].

И, разумеется, это воплощается — в еще более обостренной форме — в семье, особенно в детях. В них это состояние «избранности и превозвышенности», «благородства» должно проявиться особенно. Поэтому дочерям подвальных обитателей стараются «дать образование». Но в гимназию им не поступить. Потому-то и возникают в Петербурге рубежа веков многочисленные «пансионы с музыкой», дававшие «способность казаться образованными в течение пятиминутного разговора». Амфитеатров едко характеризует «подвальную барышню» как носительницу специфической полуобразованности, столь характерной для столичной культуры того времени.

Подите в какой — нибудь петербургский публичный маскарад, — средней руки, из приличных. Если к вам подойдет маска с довольно складною речью, распространяющаяся о чувствах по переводному Бурже, вертывающаяся в разговор заученные французские словечки с русским, но не совершенно отчаянным произношением, охотница до стишка меж громких фраз, с обязательным примечанием в скобках: «как сказал Лермонтов», «как, помните, у Надсона», — можете пари держать, что вас интригует подвальная барышня, только что покинувшая пансион с музыкой и не успевшая позабыть его недалгой и нехитрой дрессировки. И — увы, ни одна из них не может выдержать долго инкогнито, потому что, в конце концов, непременно ошибется каким-нибудь фатальным «тротуваром», «форптуаром», «велисаедем» или даже просто ужасным любимцем петербургской прислуги — «фрышником». [12]

Сейчас мы несколько иначе смотрим на эту ситуацию и снисходительная усмешка Амфитеатрова кажется сегодня слишком злой, так же как пафос К. Чуковского, обращенный против «темного просветителя» В. Битнера. Все-таки тяга к культуре, пусть даже в карикатурных формах, вызывает уважение. Но важнее отметить другое. Наступление двадцатого века ознаменовалось распадом привычной шкалы социальных ролей. Тот процесс, о котором писал В.Г. Авсеенко в конце 19 века, получил в начале нового столетия еще более определенные очертания. В этой связи хотелось бы обратить внимание на повесть А.П. Каменского «Княжна Дуду». До самого конца читатель не может сказать наверняка, кем на самом деле является героиня — камеристкой, притворяющейся княжной, или самой княжной, мистифицирующей своих поклонников (скорее, кажется, последнее). Но дело, собственно, не в этом, а в самой возможности принимать одну за другую.

Правда, я не княгиня, я дочь покойного камердинера старого князя, но я окончила гимназию с медалью и воспитывалась довольно близко от светлейшей княжны Евдокии Петровны. <...> Княжна Дуду страшная либералка, и мы вместе с ней начитались разных хороших книжек. Ведь Вы не можете все — таки утверждать, чтобы мое демократическое происхождение бросалось в глаза. Кажется, я ничем особенно не шокировала Вас... [13]

Это принципиальное двойничество — новая черта в русской культуре рубежа веков. Процесс размывания привычного социального уклада проявлялся, среди прочего, и в изменении привычного, десятилетиями складывавшегося набора женских амплуа: барыня, институтка, великосветская дама, «львица», «демимонденка» и т.д. Интерес писателей к типу «дочери бедных и благородных родителей», выпадавшему из этого при-

вычного набора, был, на наш взгляд, проявлением общего процесса «потрясения основ».

Интересно проследить развитие этой линии в новых исторических обстоятельствах. Сама формула «Дочь бедных, но благородных родителей» вышла из употребления, утратив культурную узнаваемость, однако заложенное в ней противопоставление после 1917 года обрело новый, зловеще актуальный смысл. «Благородный» стало означать из «бывших», из «лишенцев», «из людей раньшего времени». Понятно, что и «бедный» стало означать не столько экономическую бедность, сколько социальную ущербность, «поражение в правах». При этом и вся формула получила специфический смысл. Представители победивших классов нередко женились на девушках «из бывших» и объяснялось это, среди прочего, и тем, что «сможет воспитать детей». Знание языков, литературы и искусства, музыкальные навыки, бытовая и этикетная воспитанность, — все это должно было передаться детям. И важную роль в культурном ландшафте советской эпохи играли люди, сохранившие черты материнского «благородного» воспитания.

В позднесоветское и постсоветское время приобрела популярность формула «дети бедных, но интеллигентных родите-

лей» (с отсылкой к известной формуле «бедный, но честный»), ставшая обозначением детей бюджетной интеллигенции.

Примечания:

1. Панаев И.И. Актеон// Панаев И.И. Собрание сочинений. Т.2. М., 1912. С.163-198.
2. Михневич В.О. Дочь бедных, но благородных родителей// Михневич В.О. Картинки петербургской жизни. Пб., 1884. С. 151-162.
3. Панаев И.И. Дочь чиновного человека// Панаев И.И. Собрание сочинений. Т.1. М., 1912. С.227-228.
4. Там же, с. 229.
5. Авсеенко В.Г. Зимняя ночь. Петербургская сказка// Авсеенко В.Г. Сочинения. Т.8. Пб., 1905. С.354.
6. Там же, с. 355.
7. Там же, с. 356.
8. Амфитеатров А.В. Женское нестроение. Бабы и дамы. СПб., 1906; Авсеенко В.Г. Мысли о женщинах// Авсеенко В.Г. Сочинения. Т.7,8. Пб., 1905; Михневич В.О. Барышни и барыни. СПб., 1889.
9. Авсеенко В.Г. Мысли о женщинах. Т.7. С.14.
10. Там же, с. 15.
11. Амфитеатров А.В. Женское нестроение. С. 186.
12. Там же, с. 188.
13. Каменский А.П. Княжна Дуду. СПб., 1914. С. 47.